

В ПОИСКАХ «ВНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО» ПРОИЗВОДСТВА

Октай МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Санкт-Петербургский экономический Конгресс (СПЭК-2016, конец марта 2016 года) озаботился интригующей темой – «ФОРСАЙТ "РОССИЯ,»: новое производство для новой экономики». Такая туманная формулировка вынуждает вспомнить о великом Кювье с его способностью по одной берцовой кости воссоздать облик вымершего животного¹. Позже талант «исторического реставратора» удачно продемонстрировал знаменитый антрополог Герасимов, который по обломку челюсти мог сотворить портрет исчезнувших предков.

Реинкарнация полузабытого метода становится актуальной для отечественного общественнонаучного сообщества, в частности, для научных конференций экономистов, реализующих функцию коллективного поиска истины, – жанра странного и архаичного. Автор обосновывает правомерность, актуальность и необходимость разработки «кювье-метода» как элемента методологического инструментария экономической науки, доказывая, что его масштабное применение может обеспечить эффективность превентивной научной оценки, в частности, грантов – институционального инструмента групповой формы экономических исследований, – а следовательно, и экономию финансирования малоперспективных, а то и откровенно лженаучных проектов. Вместе с тем, такое применение сегодня ограничено методологической культурой практикующих экономистов, в частности, падением политико-экономического уровня их профессиональной подготовки.

Особое внимание автор обращает на междисциплинарный характер «кювье-метода», поскольку его реализация требует комплексного подхода: контекст-анализа, исторической характеристики, предметной ограниченности, концептуальной плодотворности, латентной компаративистики, а также оценки возможности эконометрического подхода. Практически речь идет о прогнозной оценке предполагаемого исследовательского проекта (включая такую его специфическую разновидность, как конгресс, или конференцию, или вебинар) по его ключевой («хэштэговой») формулировке, выполняющей в данной ситуации функцию «кювьевской берцовой кости». Предлагаемая вниманию читателей статья намерено носит прикладной

¹ Кювье, Жорж (Cuvier, Georges) (1769–1832), французский мыслитель, зоолог и палеонтолог. Описал большое число ископаемых форм и предложил определять по ним возраст геологических слоев, в которых они обнаружены. Реконструировал целые организмы по немногим частям, найденным при раскопках (Энциклопедия Кругосвет, не датировано).

характер, демонстрация которого должна, по мнению автора, активизировать его распространение в профессиональной среде экономистов.

Ключевые слова: методология экономического анализа; соотношение производства и экономики; «метод Кювье»

SEARCHING FOR THE «NON-ECONOMIC» PRODUCTION

Oktay MAMEDOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

An interesting topic is included in the agenda of the Second Saint-Petersburg Economic Congress (SPEC 2016, March 22) – «Foresight «Russia»: The New Production for The New Economy». Such an ambiguous wording makes it reasonable to turn to great Cuvier's ability to reconstruct a form of extinct animal using a shinbone. Later on, a famous anthropologist Gerasimov demonstrated a talent of the «restaurateur of the history», as he was able to recreate the ancestors' portrait using a fragment of jaw.

Reincarnation of the method that had been almost forgotten is of increasing importance for the Russian social science, in particular, for economic scientific conferences, essential for a collective search for the truth, – which seems today strange and archaic genre. The author justifies the necessity for the «Cuvier method» as the methodological element of economic research, arguing that its wider implications can provide efficiency of a preliminary scientific assessment, in particular, for the research grants, that are the institutional form for team research. However, its use today is bounded by the methodological culture of practicing economists, in particular, due to their low competence in political economy.

The author pays special attention to the interdisciplinary character of the «Cuvier method», since its implementation depends on complex approach: analysis of context, historical and subject limitations, conceptual fruitfulness, latent comparative analysis, as well as the assessment of the possibility of an econometric approach. Actually, this refers to projections of the results of a proposed research project (including its specific forms – congress, conference, webinar) according to its key words («hashtags»), which serve as the «Cuvier's shinbone». The article aims to popularize the method among the professional community of economists.

Keywords: economic methodology; relationship between the economy and production; «Cuvier method»

JEL classifications: B41, B51

TERRA ECONOMICUS ✧ 2016 Том 14 № 1

ИСКУССТВО ПРЕДМЕТНОЙ ФОРМУЛИРОВКИ

Научные конференции сегодня проводятся повсеместно и непрерывно, зачастую имитируя исследовательскую активность². Если бы кто-либо взял на себя неблагодар-

² По утверждению Американского журнала психиатрии, имитация – начальная и активная форма адаптации индивида к окружающей социальной среде, – «нарушение способности имитировать может лежать в основе глубоких

ный труд классификации тематики проводимых конференций, он бы, без сомнения, обнаружил в них и политическую конъюнктуру (Мамедов, 2007), и влияние моды на выбор подлежащих коллективному обсуждению тем, а также присущее им в большинстве случаев отсутствие связи с предметом данной науки. Если обратиться, например, к экономистам, то можно говорить об апогее внимания ко всем мыслимым и немислимым аспектам институционализма, хотя отнесение этого раздела обществознания к экономической науке пока ничем не обосновано³; гипертрофический интерес обнаруживается и к проблемам региональной экономики – число конференций по этой локальной теме зашкаливает за всякие разумные пределы (как и число диссертаций по соответствующей тематике); особенно же сложно интерпретировать с научных позиций темы, в которых намечается рассмотреть некие вызовы, в изобилии сваливающиеся сегодня на российскую экономику; однако, что это за «вызовы», кто и за что нас «вызывает», и не пора ли и нам кого-нибудь тоже в отместку «вызвать», понять практически невозможно⁴.

«КОСТОЧКА КЮВЬЕ» КОНГРЕССА

Роль уже упоминавшейся «берцовой косточки Кювье» для названного Конгресса играет вербальная формулировка его темы – **«ФОРСАЙТ “РОССИЯ,»: новое производство для новой экономики»**. Что скрывать, – формулировка темы примечательна своей сложной архитектурой. Об этом убедительно свидетельствует хотя бы нарочитая кокетливость первого слова в названии темы Конгресса – «Форсайт»⁵. А иначе какой смысл начинать с английского слова название темы Конгресса *российских* экономистов?

Однако – и это знаменательно – само слово написано не английскими, а русскими буквами, этакое русифицирование, которое, тем самым, по-своему содержит скрытый намек на импортозамещение (правда, пока только буквами, а потом, быть может, – и делами). Этот билингвизм ключевого слова (английского – по содержанию, но русского – по буквенному начертанию) позволяет предположить три варианта названия темы следующего Конгресса:

- в случае удачного развития российской экономики тема будет вся начертана на английском языке;
- в случае неудачи тема будет вся написана на русском;
- но, скорее всего, – и тема, и сама экономика останутся, как и сегодня, надоевшим всем (еще со времен Грибоедова) «смешеньем французского с нижего-

---

долговременных трудностей в социальных взаимодействиях ..., имитация действий является основным строительным блоком социальных способностей, а умение имитировать присутствует в раннем возрасте и имеет решающее значение для обучения тому, как ориентироваться в социальном мире. Согласно современной теории, скрытая имитация является также самым фундаментальным условием понимания намерений и чувств других людей» (Salisbury, 2014); при таком подходе имитация в научной сфере выполняет функцию первичного приобщения к культуре научного исследования, адаптационного заимствования, делая условной грань между имитацией и плагиатом.

³ Судя по общей характеристике институционализма (см. Wikipedia, 2013), он незаметно вырос до размеров всего обществознания: старый институционализм фокусируется на формальных институтах власти, новый институционализм концентрируется на развитии институтов и их влиянии на общество, институциональная экономика изучает экономические вопросы с макросоциологической точки зрения, новая институциональная теория сосредоточена на социальных нормах и организационных механизмах, исторический институционализм исследует социальные, политические и экономические изменения во времени и пространстве, партийно-политический институционализм видит в политических партиях результат собственной истории как института, международный институционализм изучает институты международной системы.

⁴ «Яндекс» на запрос «вызовы России» показывает 53 миллиона информационных отклика (!?).

⁵ «Фемистоклос!» – сказал Манилов, обратившись к старшему, который старался высвободить свой подбородок, завязанный лакеем в салфетку. Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое отчасти греческое имя, которому, неизвестно почему, Манилов дал окончание – юс, но постарался тот же час привести лицо в обыкновенное положение» (Гоголь, 1997. Т. 2, с. 273); если же не уклоняться от напрашивающейся в данном случае аллюзии, то, продолжая начатый в формулировке темы «променад дез англе», Конгресс с не меньшим основанием можно было бы назвать – «Сага о российских Форсайтах».

родским», а отсюда – и две непересекающиеся стратегии, и два критерия эффективности экономического развития страны; в этом случае мы вновь увидим полуиностранный-полурусский название темы⁶. Наконец, не меньшее недоумение вызывает взятое в кавычки слово «Россия»; эти кавычки требуют от сочинителей темы Конгресса специального пояснения.

ОБ ИСХОДНОМ ПУНКТЕ ДВИЖЕНИЯ К НОВОМУ

И все же в формулировке темы содержится и фундаментальный момент: обновление какого элемента должно *предшествовать* развитию народного хозяйства – «производства» или «экономики»?

Те, кто считает, что начинать надо с производства, являются «производственниками», смотрят на российскую экономику глазами «технократов», полагая, что, интенсифицируя производственные процессы, мы, тем самым, развиваем и экономику. Это – глубокое заблуждение: никакое развитие производства не заменит развития экономики, это два параллельных, сопутствующих, сопрягающихся, коррелирующих, но не идентичных, процесса. Примером такого технологического подхода может служить работа Госплана, который в советские годы был вполне способен рационально распределить объемы и движение ресурсов и продуктов, но не способен объяснить, почему дело закончилось катастрофой российской экономики.

Те же, кто считает, что начинать надо с экономики, понимают, что общественные формы производства имеют приоритет перед его технологическими формами. Именно поэтому, между прочим, **экономическая теория является наукой социальной, а не производственно-технологической**, – наукой, предмет которой никак не поймут производственники (как и выпускники иных специальностей), наводнившие сегодня экономическую науку и наивно удивляющиеся, почему их великолепные рекомендации всем безразличны. А они и останутся безразличны до тех пор, пока не будут включены в виде цели в механизм реализации *экономических интересов*, и это есть чистая политическая экономия.

«ТРИ СОСНЫ» ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Наша эпоха – время окончательной утраты интереса к любой теории, а что касается социальной теории – так это просто констатация ее незаметной кончины. Обуреваемые жаждой выслужиться предъявлением немедленной, сиюминутной, лжепрактической пользы, прикладники, обильно представленные во всех областях знания, особенно солидарно ополчились на теорию и методологию социального познания, прекрасно понимая, что этим убивают научное обществознание. Но именно это им-то и требуется, ибо в атмосфере мракобесия их лженаучность будет приниматься за «научность». Разврат начинается уже в вузе, когда первокурсников буквально насильно записывают на студенческие «научные» конференции, хотя они еще не дослушали даже вводные курсы. И вчерашние абитуриенты принимают игру взрослых дядей за действительную науку. И дальше шествуют по жизни с большим уважением к своим «научным подвигам».

*

В каждой науке есть свой «бермудский треугольник». В нашей экономической науке он представлен теми «тремя соснами», в которых плутает отечественный «эконо-

⁶ С момента начала рыночных реформ, незавершенность которых превратила российскую экономику в «полурыночную», ее оправданно уподобить богатому «жениху», которого пытаются обручить (и тем – приручить) с разными экономическими системами. Как тут не припомнить известные пушкинские строки (*Пушкин, 1969. С. 34–35*):

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених...
Все дочек прочили своих
За полурусского соседа.

мист-производственник-хозяйственник» – странное трехпостасное («трехголовое») создание, порождение смутных перипетий переходного времени. И это объяснимо – для неэкономистов осознание фундаментальной предметной значимости жесткого разграничения категорий «экономика», «производство» и «хозяйство» недостижимо (да и неважно), в силу приземленности их познавательной установки. Иное дело – теоретики, которым грех продолжать путаться в этих «трех соснах», выдумывая то «философию хозяйства», то «инновационное производство», то «новую экономику». Такая путаница может быть выгодна только той группе управленцев, которая в смутной неразберихе продолжает выдавать «производство» – за «экономику», а технологические прорывы – за экономические преобразования. В результате экономисты окончательно перестали понимать, что должно представлять собой то звено, которое способно вытянуть всю цепь проблем. Что же тогда говорить о читателе, силящемся уразуметь «диалектические» резюме экономистов?

Эта же путаница бросается в глаза при знакомстве с темой Конгресса. Формула «производство для экономики» – бессмысленна, поскольку с тех пор, как производство стало *общественным*, эта общественная («экономическая») сторона сделалась для производства существенной, определяющей, приоритетной. В результате экономист превратился в главного аналитика общественного производства, тогда как на долю инженеров и технологов отводятся чисто производственные вопросы. Но там, где «производство» никак не станет «экономикой», где производству не позволяют стать экономикой, – там экономист отстраняется и от производства, и от экономики, и поневоле превращается в чисто декоративную, ритуальную фигуру. Вот почему торжественно вынесенная в название Конгресса формула «новое производство для новой экономики» приобретает смысл только если ее переделать в прямо противоположную по содержанию формулу: «новая экономика для нового производства».

Категория «экономика» – не просто фундаментальная, не просто диалектическая, но – *предметно-диалектическая*, т.е. такая категория, от уяснения сущности которой зависит предметное понимание экономической методологии, экономической теории, экономической практики; диалектическая сущность экономики представлена определением ее именно как «общественного производства», потому что в той степени, в какой экономика является «производством», вот в этой степени она объективна, а в той, в какой она «общественна», вот в той степени она субъективна. Диалектика же экономики вырастает из того, что она умудряется одновременно пребывать в этих двух взаимоисключающих состояниях: она и объективна (как производственный процесс она подчиняется императивам природы), она и субъективна (как общественный процесс она подчиняется социальным императивам). Но эта диалектичность экономики имеет сложно-субординированный характер: в долгосрочном периоде доминируют производственные императивы, т.е. объективное, тогда как в краткосрочном доминируют общественные императивы, т.е. субъективное. Отсюда – изнуряющие «неэкономистов» смутные, противоречивые речи экономистов, потому что каждый раз приходится отгадывать, какую именно сторону экономической диалектики они имеют в виду. Все это означает, что экономика занимает «пограничное» положение – сфера экономики одновременно и «царство производственной необходимости», и «царство социальной свободы»; вот почему экономическое знание одновременно обладает двумя взаимоисключающими статусами – оно относится и к естественному знанию, и к социальному знанию; другими словами, экономическая наука: самая социальная из естественных наук, и самая естественная из социальных. Говоря вдохновенными строками Константина Симонова: «Касаясь трех великих океанов, она лежит, раскинув города, покрыта сеткою меридианов, непобедима, широка, горда». Да, такова Экономика – гигантское пространство, обнимающее Природу, Общество и Интеллект, и тем связывающее их непосредственно, и потому выражающее сущность каждого из этих «океанов». И только такое понимание экономики и экономической науки способно объяснить, почему эко-

номика одновременно – и пространство стихийного, и пространство целенаправленного, почему она равнодушна к регулированию и в то же время восприимчива к нему; почему она и предсказуема, и непредсказуема. Неэкономистам диалектику экономики надо разъяснять, экономистами же понимание такой диалектики формируется по мере овладения профессией.

При таком подходе поневоле воскликнешь – да неужели так трудно понять, что новое (а тем более инновационное) производство нельзя втиснуть в устаревшие тесные, доинновационные конструкции старой, антиинновационной экономики?! Здесь мы непосредственно наблюдаем негативные последствия массовой утраты политико-экономического знания, в том числе – и в среде профессионального экономического сообщества. Например, А.В. Федотов приходит к выводу: «Причины низких темпов развития промышленности в России обусловлены различными сдерживающими факторами, и в первую очередь, отсутствием действенных мер экономического стимулирования промышленного производства со стороны государства» (Федотов, 2013. С. 206). Все это так, но отечественного исследователя отличает одно удивительное свойство – что бы он ни изучал, свой анализ он всегда заканчивает панегириком... государству, выступающему в роли демиурга всего, что попадает на глаза нашему экономисту, – экономики, производства и хозяйства. В.М. Кульков полагает, что «новая индустриализация является наиболее адекватным, реалистичным и перспективным направлением в условиях современной России, способным обеспечить передовое экономическое развитие страны в переломное для нее время» (Кульков, 2015. С. 85). Здесь уже иной подход – экономическое развитие страны является результатом новой индустриализации, т.е. нового производства. М.А. Чирков видит проблему с малоизвестной стороны – «развитие оптовой торговли как формы производства на заказ является важной составляющей рынка, действенным и оперативным инструментом восстановления реального сектора экономики» (Чирков, 2006. С. 10, 9)⁷. Н.В. Суворов констатирует: «Не подлежит сомнению, что функционирование отдельных предприятий и даже целых секторов экономики каждой страны определяется не только экономическими, но и внеэкономическими критериями. Вместе с тем представляется не менее очевидным, что оценка функционирования экономики как целого под углом зрения экономических критериев, или оценка эффективности производства в макроэкономических терминах – необходимый элемент (или этап) вышеуказанного анализа» (Суворов, 2008. С. 3). Другими словами, к знаменитому тезису «экономика должна быть экономной» добавился новый – «экономика должна оцениваться экономически». Более точной представляется позиция В.И. Часовского, утверждающего – «Рыночные формы организации национальной промышленности постепенно должны стать основой формирования нового промышленного каркаса России» (Часовский, 2015. С. 167).

О ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЙ ТРАКТОВКЕ «НОВОЙ ЭКОНОМИКИ»

Т.Н. Лавренова справедливо отмечает, что понятие «новая экономика» получило разработку в социально-философской и экономической парадигме современного общества, называемого разными именами: «постиндустриальное общество», «информационное общество», «мегаобщество», «общество информатики и связи», «технообщество», «электронное цифровое общество»; в то же время, несмотря на различие названий, общим во всех этих трактовках является указание на глобальность протекающих процессов и на определяющую роль информационных технологий (Лавренова, 2005). Однако, отмечает автор далее, не все современные ученые признают факт становления и развития новой экономики, – есть теоретики, которые скептически относятся к идее «новой экономики» и «нового общества».

⁷ Автор утверждает, что многие моменты ««нуждаются в определенном внимании со стороны политэкономистов», именуя так, видимо, «политэкономов»?

В «Инвестопедии» категория «новая экономика» признается не более чем модным термином, с помощью которого описывается роль новых, с высокими темпами роста, отраслей, находящихся на переднем крае технологий и являющихся движущей силой современного экономического роста. Принято считать, что в реальном производстве «новая экономика» началась в конце 1990-х годов, с приходом высоких технологий – Интернет и мощные компьютеры, их проникновение в сферы торговли и потребления (*Investopedia, undated*).

Технократизм предьявленного подхода очевиден. Он обрекает на то, чтобы каждый технологический переворот трактовать как «новую экономику», не затрагивая при этом предметную характеристику «новой экономики», что противоречит сути научно-го анализа.

Другую крайность демонстрирует сведение «новой экономики» к политико-идеологическому концепту: «Новая экономика» представляет формирующееся видение справедливого, устойчивого и демократического будущего. Новая экономика должна работать для всех людей... Новая экономика строит сообщество на основе устойчивого преодоления богатства и власти... Новая экономика включает демократические принципы в управлении экономической и общественной жизни (*New Economy Allocation, undated*).

Отечественная трактовка «новой экономики» также имеет технократический уклон – «новая экономика характеризуется резко возрастающей ролью информации, интеллектуальных ресурсов, наукоемких и информационных технологий в целях достижения высоких темпов и качества экономического роста» (*Кругова, 2012*).

Технократическому подходу противостоит политико-экономический, согласно которому новая экономика есть «качественно новое состояние социально-экономических отношений, которые заключаются: в комплементарном характере связи корпоративно-конкурентной, индивидуальной и частно-государственной форм собственности, что придает свойство целостности всей системе отношений собственности; в дополнении различных форм конкуренции согласованным взаимодействием субъектов экономики (когерентно-конкурентное взаимодействие); в переходе к согласованно-рыночному характеру взаимодействия субъектов «новой экономики» (*Акерман, 2011*).

Методологически плодотворный аспект характеристики «новой экономики» зафиксирован в работе Т.Г. Попадюк – «Для новой экономики существенным является переход от конкуренции товаров к конкуренции технологий. Страны, позиционирующие себя в будущем как высокотехнологические мировые центры развития, осваивают и формируют рынки наукоемких технологий» (*Попадюк, 2009. С. 14*).

В ЦЕНТРЕ «НОВОЙ ЭКОНОМИКИ» – ЧЕЛОВЕК!

Современная российская экономика изнемогает в попытке достичь «амбициозных» целей, многократно превосходящих возможности ее обветшавшей «амуниции» (как и используемых для этого инструментов).

История нашей экономики испещрена «кровоподтеками», – каждое продвижение вперед оплачивалось столь дорогой ценой, что трудно найти этому хоть какое-нибудь оправдание. Да и сегодня мы никак не расстанемся с этим наследственным административным механизмом экономического «развития». И это объяснимо – административное принуждение всегда остается внешним по отношению к экономике вмешательством, не превращаясь во внутренний механизм ее движения. Поэтому, как только исчезает административное давление, «административно-организованная экономика» останавливается и будет недвижима до тех пор, пока не выработаются механизмы ее *экономического* (предпринимательского) самодвижения. Альтернатива же экономическому самодвижению – «подшпоривание» производства посредством усиления административного давления, которое может принимать различные формы: повышение

роли государственных корпораций в экономике, переход к «мобилизационной» экономике, «ускорение развития», превращение государственного бюджета в основной источник финансирования инвестиций, чиновничий произвол. В этом случае экономический рост подменяется искусственным ростом радующих чиновников показателей, заменяющих им реальную экономику.

Административный механизм экономического роста препятствует осознанию, что уважение к людям, сострадание к ним, внимание к социальным проблемам и есть главный фактор подъема национальной экономики. Психологи утверждают, что для правильного развития ребенка его необходимо трижды в день погладить, – в нашей стране уже более ста лет никто ни разу не погладил ни предпринимателя, ни промышленность, ни экономику. Да и что с ними церемониться, с этими «объектами» похвалы для достижения неких «мессианских», «амбициозных», «престижных» целей.

Концептуальное понимание истоков современных политических и экономических тревог требует от экономистов преодоления двух слабостей – неприязни к экономической теории и антилиберальной ангажированности: первая делает нас смешными, вторая – просто опасными. Пример смешного, ставшего опасным: обещание модернизации российской экономики посредством невозможного маневра – **обновить производство, не обновляя экономики**. Однако история мировой экономики свидетельствует – рост эффективности производства всегда есть следствие эффективной реорганизации экономики.

Поскольку же обновление экономики опасно тем, кому выгодна устаревшая экономическая организация производства, вот мы и застряли исключительно на разговорах о модернизации. Очевидная победа противников реальной модернизации – таков объективный вывод, вытекающий из «азов» великой социальной науки, известной когда-то под именем «политическая экономия». Тем не менее многие сегодня делают вид, что незнакомы с ней. А может, и правда, незнакомы? Ничего, скоро о политэкономии нам напомнит сама Жизнь.

ЧТО ЕСТЬ РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА СЕГОДНЯ?

Современная российская экономика – это индустриальное производство с значительными элементами *до-* и *пост*индустриальных технологий. Это значит, что, как индустриальная экономика, она эффективна и интенсивна только относительно *до*индустриальной, а вот относительно *пост*индустриальной экономики она экстенсивна и неэффективна. Следовательно, по сравнению с *пост*индустриальными странами российская индустриальная экономика объективно является «экономикой *экстенсивных* ограничений». А это потенциально опасно вот чем – экстенсивная индустриальная экономика в кризисные периоды всегда тяготеет к примитивной модели «экономики *мобилизационных* ограничений».

Отсюда – особая проблема: российская экономика экстенсивных ограничений взаимодействует с глобальной экономикой инновационной безграничности. Каковы же последствия такого взаимодействия для российской экономики: опасность получения рисков глобального характера или приобретение новых дополнительных преимуществ?

Для экстенсивной экономики взаимодействие с инновационной экономикой оборачивается уменьшением рисков, порождаемых индустриальным «потолком» производства, и приобретением недоступных индустриальной экономике «глобальных» возможностей.

Глобализацию индустриальной экономики можно уподобить подключению компьютера к Интернету: даже слабенький компьютер обретает дополнительную мощность, но одновременно для него возрастает угроза инфицирования неизвестными ему «постиндустриальными вирусами», перед которыми индустриальная экономика беззащитна.

Не менее важна и «инверсионная постановка» проблемы – а чем является такое взаимодействие для глобальной экономики: вхождением в зону дополнительных рисков или, напротив, уменьшением степени риска? И получит ли глобальная экономика дополнительные преимущества от взаимодействия с индустриальной (доглобальной) экономикой?

По нашему мнению, для постиндустриальной экономики, объективно тяготеющей к глобализации, взаимодействие с индустриальной экономикой чревато появлением дополнительных рисков.

СИСТЕМНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРЕОДОЛЕВАЮТСЯ СИСТЕМО

Важно осознать противоречивость сложившейся сегодня в российской экономике ситуации – системные ограничения индустриального типа слились в единое препятствие на пути инновационного преобразования антиинновационной природы современной российской экономики.

Однако **системные ограничения могут быть преодолены только системным изменением**, охватывающим всю национальную экономику. И теоретически, и практически такое системное изменение, способное охватить и преобразовать всю национальную экономику, известно каждому экономисту, так как называется оно – РЫНОК: система последовательного перевода всех отраслей и сфер на рыночные основы функционирования, а не так, как сейчас, когда огромные до-, не- и антирыночные пространства и сферы соседствуют с рыночно развитыми отраслями, пространствами и сферами, мучая их и препятствуя их эффективному развитию. Реальный переход к рынку включает то, о чем говорили либералы все эти годы, – сокращение роли государства в экономике, развитие мелкого и среднего предпринимательства, развитие реальной конкуренции, снижение налогового бремени.

ЧТО МЕШАЕТ ПЕРЕХОДУ К РЫНКУ?

Основное системное противоречие между индустриальной («неглобализированной») и постиндустриальной («глобализированной») экономиками состоит в том, что для полноценного эффективного участия в глобальной экономике нам надо интегрироваться в нее в такой степени, которая требует передачи некоторых экономических функций наднациональным, международным экономическим институтам, что нами, а точнее, бюрократическим аппаратом болезненно воспринимается как покушение на часть его управленческих прерогатив и доходных предпочтений. Но именно такую передачу части экономических функций наднациональным институтам и предполагает глобализация национальной экономики, а мы на это идти не хотим, трактуя данный шаг как основной «глобальный риск» для нашей малоглобализированной экономики. В результате, российская экономика – как экономика индустриальных системных ограничений – сегодня больше подвержена угрозам внутренних экстенсивных рисков, чем угрозе со стороны глобальных рисков.

НЕСТАРЕЮЩИЙ РЫНОК

Рынок не имеет возраста: сколько бы раз «экономикс» ни объявлял «новым» тот рынок, на котором вдруг начинал куролесить какой-нибудь юный дериватив, или «старая» нефть, или «новейшая отрасль» – электронная коммерция, – закаленный политэконом только поморщится: в теоретической модели (а никакой другой, так сказать – «нетеоретической», модели в экономической науке не бывает) **рынок всегда и везде есть система эквивалентно-возмездного обмена разнополезными результатами общественного труда**. Вот и все, – к огорчению разных отрядов воинствующих полуэкономистов: институционалистов, философов хозяйственников, эконометриков, державников, консерваторов и прочих антиполитэкономов, выискивающих

хоть что-нибудь, что они могли бы выдать за доказательство конца рыночной эпохи в истории человечества.

Напрасное занятие – рынок уйдет с исторической сцены только при одном условии – когда отпадет, исчезнет потребность (а потому и необходимость) в **эквивалентно-возмездном обмене разнополезными результатами общественного труда**.

Для российской экономики, задержавшейся в своем рыночном преобразовании и до сих пор сохраняющей (и охраняющей) элементы феодализма не только в экономической, но и политической и идеологической организации общественной жизни, реальный переход к рынку означал бы переход к «новой экономике», степень новизны которой возрастает по мере откладывания такого перехода⁸. Растянувшийся на полтора века переход к рынку – кричащая потребность всей российской экономики. Основным препятствием для этого перехода уже многие столетия является архаичная политическая система. Поэтому вектор интеллектуальных усилий Конгресса должен был бы реализовать следующий алгоритм: **«от построения современной политической системы – через систему рыночной экономики – к современному инновационному эффективному глобализированному производству!»**.

***

Современное общество характеризуется множеством критериев цивилизованности, но все они вторичны, будучи порождением «экономизации» производства – главным, основным, базовым критерием цивилизованности социума. Сегодня неэкономизированного производства не существует, различна только степень его экономизации. И чем выше эта степень, тем цивилизованнее общество.

На практике это означает одно: большинство отечественных экономистов в настоящее время серьезно заняты несбыточным – поиском такой модели модернизации, которая позволила бы, не изменяя экономики, обновить производство. Подобный поиск неизбежно обрекает процессы, проблемы и противоречия реальной экономики на сиротское прозябание, поскольку внимание экономистов отвлечено на конструирование некой искусственной «новой экономики»⁹.

Создается такое впечатление, что реальная экономика никому не интересна. В этой ситуации экономике не остается ничего иного, как заняться собственной модернизацией в инициативном порядке.

Но к лучшему ли это, когда экономика пытается стихийно обновиться? Будет ли такое самообновление быстрее и эффективнее? И не будет ли оно оплачено слишком дорогой социальной ценой?

ЛИТЕРАТУРА

Акерман Е.Н. (2011). Государственная экономическая политика в условиях новой экономики. Автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет.

Гоголь Н.В. (1997). Мертвые души. М.: Художественная литература.

Кругова Е.Ю. (2012). Становление новой экономики в России. Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина.

⁸ Отсюда видно, что «новизна» экономики носит исторический характер, например: для нерыночных или антирыночных обществ переход к рынку все еще остается желаемым будущим, «новым обществом», хотя для других стран эта «новизна» давно уже приобрела статус традиционности.

⁹ Известно, что крестоносцы, давшие обет освободить Иерусалим, были настолько невежественны, что, вступая в какой-либо город, наивно спрашивали жителей – «Это Иерусалим?» И, получив отрицательный ответ, вновь выдвигались в поход. Уж не их ли ученые потомки сегодня бродят по экономическому пространству, вопрошая: «Это – новая экономика?»

Кульков В.М. (2015). Новая индустриализация в контексте экономического развития России // *Экономика. Налоги. Право*, № 2.

Лавренова Т.Н. (2005). Новая экономика: социально-философский анализ. *Автореф. дис. ... канд. филос. наук*. Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств.

Мамедов О.Ю. (2007). Интеллектуально-политическая мода (конъюнктурная или актуальная переоценка ценностей?) // *Terra Economicus*, т. 5, № 4, с. 135–137.

Попадюк Т.Г. (2009). Стратегия повышения конкурентоспособности промышленности в условиях формирования новой экономики. *Автореф. дис. ... д-ра эконом. наук*. М.: Всероссийский заочный финансово-экономический институт.

Пушкин А.С. (1969). Евгений Онегин / Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Правда.

Суворов Н.В. (2008). Методы и результаты макроэкономического анализа эффективности производства в реальном секторе отечественной экономики // *Проблемы прогнозирования*, № 03.

Федотов А.В. (2013). Использование преимуществ новой экономики для стимулирования развития промышленного производства // *Вопросы региональной экономики*, № 4(17).

Часовский В.И. (2015). Рыночные формы организации промышленного производства как «полюса роста» экономики России // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, вып. 1, с. 160–169.

Чурков М.А. (2006). Все для вас... производство на заказ как инструмент восстановления реального сектора экономики РФ // *Российское предпринимательство*, № 12.

Энциклопедия Кругосвет (не датировано). Кювье, Жорж (Cuvier, Georges) (<http://www.krugosvet.ru/node/35846>).

Investopedia (undated). New Economy (<http://www.investopedia.com/terms/n/new-economy.asp>).

New Economy Allocation (undated). What is the New Economy? (<http://neweconomy.net/about/what-is-the-new-economy>).

Salisbury D. (2014). Brain mapping confirms patients with schizophrenia have impaired ability to imitate // *Research News@Vanderbilt*, Vanderbilt University, March 14 (<http://news.vanderbilt.edu/2014/03/schizophrenia-imitation/>).

Wikipedia, the free encyclopedia (2013). Institutionalism (<https://en.wikipedia.org/wiki/Institutionalism>).

REFERENCES

Akerman E.N. (2011). State economic policy in the new economy. *Thesis abstract submitted ... Doctor in Economics*. Tomsk: National Research Tomsk State University. (In Russian.)

Gogol N.V. (1997). Dead souls. Moscow: Literatura Publ. (In Russian.)

Krugova E.Yu. (2012). Становление новой экономики в России. *Thesis abstract submitted ... PhD in Economics*. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin. (In Russian.)

Kulkov V.M. (2015). New industrialization in the context of Russian economic development. *Economy. Taxes. Law*, no. 2. (In Russian.)

Lavrenova T.N. (2005). Новая экономика: социально-философский анализ. *Thesis abstract submitted ... PhD in Philosophy*. Krasnodar: Krasnodar State University of culture and arts. (In Russian.)

Mamedov O.Yu. (2007). Intellectual and political mode (conjuncture or actual soul-searching?) *Terra Economicus*, vol. 5, no. 4, pp. 135–137. (In Russian.)

Popadyuk T.G. (2009). The strategy of increasing the competitiveness of industry within the emergence of the new economy. *Thesis abstract submitted ... Doctor in Economics*.

Moscow: The All-Russian State Distance-Learning Institute of Finance and Economics. (In Russian.)

Suvorov N.V. (2008). Methods and results of macroeconomic analysis of production efficiency in the real sector of domestic economy. *Problemy prognozirovaniya*, no. 03, pp. 3–16. (In Russian.)

Fedotov A.V. (2013). Taking advantage of the new economy to stimulate the development of industrial production. *Voprosy regionalnoi ekonomiki*, no. 4(17). (In Russian.)

Chasovskiy V.I. (2015). Market forms of organization of industrial production as a “growth pole” of the Russian economy. *Bulletin of the The Immanuel Kant Baltic Federal University*, issue 1, pp. 160–169. (In Russian.)

Chirkov M.A. (2006). Best for you... contract manufacture as a tool for the recovery of the real sector of the Russian economy. *The Russian Entrepreneurship*, no. 12. (In Russian.)

Encyclopedia Krugosvet (undated). Cuvier, Georges (<http://www.krugosvet.ru/node/35846>). (In Russian.)

Pushkin A.S. (1969). Eugene Onegin / Collected works, 6 vols., vol. 4. Moscow: Pravda Publ. (In Russian.)

Investopedia (undated). New Economy (<http://www.investopedia.com/terms/n/new-economy.asp>).

New Economy Allocation (undated). What is the New Economy? (<http://neweconomy.net/about/what-is-the-new-economy>).

Salisbury D. (2014). Brain mapping confirms patients with schizophrenia have impaired ability to imitate. *Research News@Vanderbilt*, Vanderbilt University, March 14 (<http://news.vanderbilt.edu/2014/03/schizophrenia-imitation/>).

Wikipedia, the free encyclopedia (2013). Institutionalism (<https://en.wikipedia.org/wiki/Institutionalism>).